

душѣ и многимъ русскимъ рабочимъ въ памятный 1905 годъ. Значительное число рабочихъ Омскихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, принадлежавшее къ лѣвымъ партіямъ, перешло въ баптизмъ, замѣнивъ красную транспу религиознымъ флагомъ. Нѣмцы рассчитывали чрезъ баптистовъ распропагандировать русскихъ рабочихъ въ такихъ центрахъ, какъ Одесса, Баку, Харьковъ, Петроградъ и др., чтобы во время военныхъ дѣйствій вызвать искусственно забастовку и тѣмъ поставить Россію въ безвыходное положеніе. Но они ошиблись въ своихъ низкихъ расчетахъ; предателей и замѣнниковъ среди русскихъ рабочихъ не оказалось. Наши баптисты могутъ сказать, что они непричастны къ такой пропагандѣ. Пусть говорятъ это англійскіе и нѣмецкіе баптисты, а русскіе далеко отъ этого. Но все баптисты преслѣдуютъ однѣ задачи и цѣли, какъ объ этомъ заявилъ Клиффордъ. «Наша истинная всеобщность нашихъ основныхъ идей и принциповъ побуждаетъ насъ къ единству и всеобщности всюду, гдѣ эти идеи и принципы находятъ себѣ просторъ.»¹⁾—Понятнымъ становится и те сочувствіе, какое проявляютъ къ баптистамъ лѣвыя партіи: у тѣхъ и другихъ одна задача и цѣли—разрушеніе существующаго государственнаго строя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Деревня во время войны.

(Изъ пастырскихъ наблюденій).

Тихо въ деревнѣ.

Тамъ, далеко, на полѣ брани раздается громъ орудій свистъ пули, грохотъ разрывающихся снарядовъ, стоны раненыхъ и умирающихъ... Тамъ льется рѣкою кровь нашихъ враговъ и нашихъ братьевъ, и смерть собираетъ обильную жатву, а здѣсь тихо, тихо... Не жуткая, не пугающая тишина, наводящая ужасы и страхъ за будущее, а добрая и спокойная. Нѣтъ болзни предъ грядущимъ. Ярко горитъ въ сердцѣ народа пламя вѣры въ помощь Божию, въ заступленіе Царицы Небесной, и нѣтъ сомнѣвающихся въ нашей конечной побѣдѣ. Таково теперь въ общемъ настроеніе деревни.

¹⁾ „Баптисты ихъ ученіе и задачи“, стр. 51

Есть и нужда, есть и горе; раздаются иногда плачь и стоны, но все это не нарушает общаго, добраго настроенія деревенскаго люда.

Вѣсти объ убитыхъ близкихъ (а убитыхъ въ общемъ изъ нашихъ прихожанъ и, какъ слышно изъ окрестныхъ деревень, слава Богу, весьма немного)—вѣсти объ убитыхъ принимаются со стоическимъ спокойствіемъ. Конечно, поплачуть, погорюютъ немного, попросятъ отслужить заупокойную литургію по убиенномъ воинѣ, выслушаютъ со вниманіемъ утѣшительное и назидательное слово своего пастыря и успокоятся.—Такова воля Божія. Бываетъ, что матери убитыхъ плачутъ и убиваются подолгу, но все же больше страдаютъ молчкомъ, безъ наружнаго проявленія, и только по глазамъ видишь, какъ страдаетъ бѣдная мать. Жены убитыхъ—эти кричатъ громко, но успокаиваются скоро, особенно молодыя и бездѣтныя.

Первая горькая вѣсть была о бывшемъ церковномъ старостѣ Павлѣ Ястребовѣ. Это было еще въ сентябрѣ прошлаго года. Приходитъ его жена. Такая грустная, грустная. Съ нею двое дѣтей—мальчикъ и дѣвочка.

— Что скажешь, Агафья? Есть вѣсти отъ Павла?

— Убили...—тихонько говоритъ она и слезы частыми каплями потекли по ея щекамъ.

Беру изъ ея рукъ письмо. Вѣрно: товарищъ-землякъ пишетъ, что Павелъ Ястребовъ убитъ въ бою, найденъ уже мертвымъ и погребенъ. Царство небесное воину христолюбивому Павлу!

Никита Панферовъ приходитъ ко мнѣ съ официальною бумагою изъ Военскаго Присутствія. Въ бумагѣ сказано, что рядовой такого—то полка Гаврилъ Панферовъ убитъ въ ночной атакѣ такого-то мѣсяца и числа.

Отецъ стоитъ предо мною, стараясь не показать своего горя, только видно, какъ блестятъ слезы въ его глазахъ, и дрожать губы.

— Царство небесное... Положилъ животъ свой за Вѣру, Царя и Отечество. А вы очень-то не убивайтесь. Что подѣлаешь? Божья воля.

— Чего—же убиваться? Такъ Господь судилъ ему. Ба-

до же комунибудь быть убитымъ. Война—она и есть война. Противъ Бога не пойдешь. И дома умираютъ. Вотъ Илюшка у нашего сосѣда: ни съ-чего исчахъ и умеръ.

Вотъ я извольте утѣшать такого родителя!

Другой точно также, на мой вопросъ: есть—ли вѣсти отъ вашего сына?—прямо подаетъ мнѣ бумагу. Сметрю: отношеніе изъ ротной канцеляріи: рядовой такой-то убитъ. Перекрестившись, я говорю: Царство Небесное!

— Да, ему ужъ больше ничего не нужно,—спокойно говоритъ отецъ, пряча за божницу бумагу. Спокойна, но крайней мѣрѣ, наружно и мать.

Но не всѣ, разумеется, такіе. Есть и такіе родители, которые къ вѣсти о смерти своихъ сыновей относятся совсѣмъ иначе.

Еще въ маѣ Калабуховы получили письмо отъ товарища своего сына съ прискорбнымъ извѣстіемъ, что ихъ сынъ Констанція убитъ. Услышавъ я объ этомъ стороною и искренно пожалѣвъ о покойномъ: я зналъ его близко—ужъ очень хорошій былъ парень, такой веселый, жизнерадостный и съ виду стройный, красивый и служилъ онъ въ городѣ. Приходить ко мнѣ мать убитаго, спрашиваю: правда что получили дурныя вѣсти о Костѣ?

— Да, написала товарищъ, что Костя убитъ. Да писемъ, говорятъ, нельзя вѣрять. Надо, говорятъ, ждать бумаги отъ начальства.

— Это вѣрно, конечно,—говорю я ей изъ тонъ.—Мало ли получается ложныхъ извѣстій объ убитыхъ? Не узнаетъ хорошенько товарищъ и скорѣе писать...

— Вотъ такъ всѣ и говорятъ, и старикъ мой то же говорить. Иди, говорить, къ батюшкѣ, попроси его написать въ полкъ. Отвѣтить оттуда, это ужъ будетъ вѣрно.

— Хорошо, хорошо, я напишу, и дай Богъ, чтобы дурная вѣсть оказалась ложной.

Написалъ я ротному командиру, долго оттуда не отвѣчали, мѣсяца два. Мать разъ десять приходила справляться—не пришла-ли бумага, несмотря на то, что я каждый разъ говорилъ ей, чтобъ она не беспокоилась ходить ко мнѣ: какъ получу, тутъ же увѣдомлю. Материнское сердце, что и говорить!

Оттуда долго не могла дождаться письма.

Наконецъ пришла бумага отъ ротнаго командира. Въ бумагѣ подробно прописано, что рядовой Константинъ Калабуховъ убитъ тогда-то въ бою при деревнѣ М и погребенъ возлѣ розоваго домика дѣвняка.

Посылаю за матерью. Прибѣгаетъ тотчасъ-же.

— Что, батюшка? — спрашиваетъ она, а сама такъ и побѣлѣла, слезы льются въ три ручья.

— Плохо, тетушка Лукерья. Вотъ слушай, что пишетъ ротный.

Выслушала, взяла у меня изъ рукъ бумагу и пошла, ничего не сказавъ.

Проходитъ два дня. Опять приходитъ несчастная мать.

— А вѣдь бумага-то безъ печати. Вы мнѣ не сказали тогда про это, — съ робкою надеждою въ заплаканныхъ глазахъ говоритъ Лукерья. Это говорить, не настоящая бумага. Настоящая должна быть непременно съ печатью. Если-бы была вѣрная бумага, что имъ жалко что-ли печать приложить?

— Бываетъ, бываетъ... конечно, можетъ быть и ошибка, — говорю я, стараюсь избѣжать вытливаго взгляда. Не хочется-же, въ самомъ дѣлѣ, разрушать сладкую и хрупкую надежду матери.

— Ты ужь пожалуйста, батюшка, напиши еще ротному-то, чтобъ прислалъ иную бумагу, на насъ, чтобъ прислалъ бумагу-то, да чтобъ съ печатью, законная чтобъ была бумага.

— Написалъ я еще. Опять въ теченіе полутора мѣсяца нѣсколько разъ приходила ко мнѣ Лукерья справляться не пришла-ли бумага опять на мое имя.

Одинъ разъ за это время она говоритъ мнѣ: «Вѣднѣ мы со старикомъ въ Оренбургъ. Ходили тамъ въ Воинское Присутствіе. Тамъ искали Костю въ книгахъ, гдѣ прописаны убитые. Нѣтъ вѣдь въ книгахъ Кости, такъ и не нашли! Книги громаднаыя, убитыхъ тамъ записано безъ числа, а Костеньки нѣтъ! И господа и начальники, что сидятъ тамъ, говорятъ мнѣ: не плачь старушка, вишь нѣтъ твоего сына въ спискахъ убитыхъ, значить, олъ! можетъ быть еще и живъ. Такихъ случаевъ у насъ много: напишуть, что убитъ такой;

то; а онъ живехонекъ, живехе насъ съ тобой... Вотъ что говорить начальнику, славный такой, дай, Господи, ему здоровья, такъ онъ отъ меня выстоитъ съ вами...

Не хочеть вѣрить старушка, что убить ея Костенька!

Наконецъ приходитъ бумага ужъ настоящая, съ печатью.

Является ко мнѣ Дукеръ съ этою бумагою. Плачетъ убивается... А встаетъ она и теперь не убѣждена окончательно въ томъ, что не увидитъ она ни живымъ, ни мертвымъ своего ненагляднаго Костеньки. Непремѣнно у ней тешился, какъ искорка въ кучѣ золь, слабый лучъ надежды, непремѣнно думаетъ: а начальникъ-то въ Оренбургѣ что говорилъ? Тоже большой начальникъ зря говорить не будетъ.

Бѣдная мать! Прямъ поэти:

Внимая ужасамъ войны,

При каждой новой жертвѣ боли,

Мнѣ жаль не друга, не жены,

Мнѣ жаль не самого героя...

Средь эпидемныхъ нашихъ дѣлъ

Однѣ я въ мирѣ подсмотрѣлъ

Святныя, искреннія слезы —

То слезы бѣдныхъ матерей...

Имъ не забыть своихъ дѣтей,

Погибшихъ за кровавой нивѣ,

Какъ не поднять плакучей нивѣ

Своихъ поникавшихъ вѣтвей.

Начинаю тогда въ числѣ прихожанъ и «нытики», это субекты, которые безо всякой видимой причины ноютъ, причитаютъ явдои тоску и уныніе на другихъ. Противно слушать! Но, слава Богу, такихъ весьма немного.

Обыкновенно при встрѣчѣ прихожанинъ спрашиваетъ:

— Какъ на войнѣ, батюшка?

— Ничего, слава Богу, — отвѣчаешь и передаешь кратко содержаніе послѣднихъ телеграммъ.

Дай — то Господи...

— А какъ ваши сынки? пишутъ?

— Одинъ — то пишетъ, а вотъ отъ Степана ужъ больше мѣсяца не получали письма. Живъ — ли?

— Придетъ, Богъ дастъ. Онъ вѣдь на позиціяхъ? А оттуда долго иногда не доходятъ письма.

Это обычная форма, съ небольшими вариациями, разговора съ прихожанами, которые имѣютъ сыновей на войнѣ.

А вотъ вамъ семья, изъ которой никто не взятъ на войну.

— Какъ поживаете?—спрашиваешь.

— Какое ужъ житье? Все плачу, все кричу, все сердечушко изныло..—начиннеть плаксивымъ голосомъ старушка, мать хозяина.

— Да ты что? О чемъ это?—неподдѣльно удивляюсь я.

— Какъ о чемъ? А ежели возьмутъ мадаго-то? На кого останутся малыя сироты, на кого останемся мы, старушки? Пропадемъ вѣдь, сгинемъ...

— А ты полно Бога гнѣвить, старушка. Когда возьмутъ, еще успеешь заплакаться, да и возьмутъ ли еще? Ну, а если захвораетъ да и дома умретъ? Все подъ Богомъ ходимъ. Родственникъ вѣдь вашъ покойный Матвѣй? Не на войнѣ, а захворалъ да и умеръ, оставивъ вдову и пятерыхъ маленькихъ ребятъ.

— Да... да.. Чего и говорить... А прискорбно ужъ даже Вдругъ заберутъ малага, на кого мы останемся?..

И замѣчательно; извѣстное настроеніе и отношеніе къ войнѣ имѣеть свой, такъ сказать, особый колоритъ для каждой деревни. Въ общемъ, какъ сказано выше, деревенскій людъ спокоенъ и бодръ, съ вѣрою смотреть на будущее, не сомнѣваясь въ нашей побѣдѣ, но есть нѣкоторые оттѣнки въ общемъ настроеніи каждой деревни.—Такъ въ приходскомъ селѣ—никакого сомнѣнія насчетъ нашей конечной побѣды надъ врагомъ. Наши лѣтнія неудачи немножко смущали народъ, но все же духомъ не падали.

— Ничего,—говорили тогда,—мы и Москву отдавали французамъ, да помогъ Господь—съ позоромъ прогнали врага и Парижъ потомъ взяли.

Въ одной деревнѣ—тамъ такими мыслями о нашей побѣдѣ не ограничиваются: тамъ ни неудачи, ни отступленія нашихъ армій не признаютъ—побѣды, однѣ побѣды и миллионы плѣнныхъ. Придешь бывало въ школу, спрашиваешь сторожа: какъ у васъ толкуютъ насчетъ войны? И ужъ знаю, что у него непременно есть что нибудь новенькое и инте-

ресное; заранѣе предвкушаю удовольствіе, будучи въ полной увѣренности, что Кузьма сообщитъ дѣйствительно «новое» и весьма пріятное.

— Да что, балюшка, — говоритъ сердечный Кузьма, — толкуютъ у насъ, что миліона полтора нѣмцевъ въ плѣнъ забрали наши. Самъ нѣмецкій царь чуть — чуть ускакалъ на самобилѣ. Телеграмъ, говорятъ, вѣрный. Да чай, неправда?

— А то такія новости сообщаетъ:

— Говорили у насъ давеча на сходѣ, что самого Вильгельма забрали наши казаки. Осатанѣлъ, говорятъ, дьяволъ, кусается, какъ собака. Слышь взять его теперь по городамъ въ чугунной клѣткѣ, показываютъ народу. И въ Оренбургъ будто привезутъ. Наши кони собираются ѣхать. Теперь, слышь, и войнѣ конецъ. Телеграмъ, говорятъ, читали въ Разномойкѣ. Да, чай, неправда?

— Тоже въ нѣкоторомъ родѣ «скептическій умъ» — сомнѣвается въ достовѣрности сообщаемыхъ свѣдѣній..

— И все въ этомъ родѣ сообщаетъ мнѣ Кузьма «свѣжія новости». Выслушаешь и невольно разминешься. Вотъ молодцы правдолюбивыя димитріевскіе! Никогда отъ нихъ не услышишь дурныхъ вѣстей, никогда не жалуются не увѣваютъ, не то, что въ Бахмутовскомъ хutorѣ. Тамъ верѣдко слышишь: эка война-то, а? И когда только она кончится? Сколько народу положить... Гдѣ ужъ тамъ? Замирались-бы лучше...

— Хорошія письма пишутъ иногда солдатики своимъ роднымъ.

— Не давно спрашиваю одну старушку, какъ она поживаетъ и что пишетъ послѣдней ея сыновъ, взятый на войну?

— Живу я слава Богу, нечего гнѣвить Всевышняго..

— А Яшенька мой ужъ такое письмо написалъ мнѣ, что и сказать нельзя. Такъ меня утѣшилъ, такъ утѣшилъ... Милая моя мамаша, — пишетъ это онъ, — не горюй, не плачь обо мнѣ. Мы служимъ нашему Царю — Батюшкѣ, защищаемъ матушку родину нашу Россію и вѣру православную, а вы дома живете хоть и не безъ нужды, да въ теплѣ, сыты и обуты. А вотъ ѣхалъ я по желѣзной дорогѣ, вездѣ на станціяхъ вижу бѣженцевъ, всѣ горьки — несчастны, голодны — холодны, глядѣть на нихъ — слеза прошибаетъ... Тутъ малыя дѣтушки

раззты — раздты, дрожать, шипучь, зовуть, шущь своихъ родителей, а тамъ, видишь, предателя, обгаить, горькими слезами обливающихся, — дѣтокъ своихъ найти не могутъ. Вотъ ужь дѣй горе, такъ горе-горемачное! Вотъ ужь истинно — несчастные, горькіе люди! Все то у нихъ погирло, а все пошло в прахъ, а вѣдь и у нихъ тоже сыновья и братья взяты в плену, можетъ быть уже убиты. Такъ не плачь же об насъ: наше горе еще сполгоря, настоящего горя у насъ, отца вы еще не видали. А ужь если будетъ тебѣ очень прискорбно, то взырни на Честный Крестъ Христовъ и на Пречистую Матерь Божию, вспомни какия страданія пережила Святительская Церковь за грѣхи наши, и такую скорбь претерпѣла и Влацкыица при Крестѣ Сына Своего. Подумай объ этомъ, и тебѣ будетъ тебѣ легко, а отъ радости, и отъ радости, и отъ радости. Дѣйствительно, письмо замѣчательное. Я весьма удивляюсь, но пользовался имъ, какъ блеутолющимъ средствомъ при необходимости — скорби и жоскѣ по близкимъ, находящимся на войскахъ. Дѣйствительно, письмо замѣчательное. Я весьма удивляюсь, но пользовался имъ, какъ блеутолющимъ средствомъ при необходимости — скорби и жоскѣ по близкимъ, находящимся на войскахъ. Дѣйствительно, письмо замѣчательное. Я весьма удивляюсь, но пользовался имъ, какъ блеутолющимъ средствомъ при необходимости — скорби и жоскѣ по близкимъ, находящимся на войскахъ.

Дѣйствительно, письмо замѣчательное. Я весьма удивляюсь, но пользовался имъ, какъ блеутолющимъ средствомъ при необходимости — скорби и жоскѣ по близкимъ, находящимся на войскахъ. Дѣйствительно, письмо замѣчательное. Я весьма удивляюсь, но пользовался имъ, какъ блеутолющимъ средствомъ при необходимости — скорби и жоскѣ по близкимъ, находящимся на войскахъ.

И ухитрился же солдатъ дать въ свое опредѣленіе своему «расчудасному» житью въ «бусурманскомъ» плену! А и вѣдь оба дѣйствіе неграмотныя.

А одинъ солдатикъ съ «большого» ума (иногда отцу събѣди пожалуйста, папаша, въ Кунакблево къ башкиру — знахарю, поворыжи; остануться я жить или нѣтъ).

Тоже «воннѣ христоробивый». Впрочемъ ужь семь лѣтъ безъ урода...

Такъ живетъ теперь и чувствуетъ, бодро перенося военную тяготу, наша деревня.

Свящ. С. Васильевъ.